

А. Н. Демьяненко

ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (о книге «Оптимизация территориальных систем»)

Монография «Оптимизация территориальных систем» (7) представляет собой итог многолетних исследований большого коллектива ученых Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в области организации перспективных предплановых обоснований и оценок территориальных систем. Сам предмет исследований — территориальные хозяйственные системы различного уровня — чрезвычайно широк, что обусловило тот факт, что содержание монографии оказалось заметно шире, чем это следует из названия. Это косвенно подтверждается и ответственным редактором книги, который отмечает, что «название монографии, отражающее *mainstream* основных усилий авторского коллектива, объединяет стремление авторов к внедрению в научное сознание простого, но, к сожалению, слабо понимаемого факта, что недостаточный и несистемный учет пространственного фактора социально-экономического развития является причиной многих проблем в реформировании экономики России и слабой эффективности предпринимаемых в этом направлении усилий» (7, с. 9).

Методологическое кредо книги сформулировано во введении: «В отличие от широко распространенной в мировой экономической мысли (особенно в макроэкономике) парадигмы «точечной» национальной экономики (или «экономики без размеров»), развивается иной теоретико-методологический подход. Национальная экономика рассматривается как пространственно неоднородный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр —

регионы) и горизонтальных (межрегиональных) экономических взаимодействий» (7, с. 29). Это положение действительно уже в течение многих лет является краеугольным камнем, вокруг которого объединяются теоретические и экспериментальные концепции научной школы, созданной и многие годы возглавлявшейся академиком А. Г. Гранбергом, которому и посвящена публикация данной монографии. Одним из ключевых «игроков» этой школы является С. А. Суспицын.

Уже введение дает основание для фундаментальных размышлений относительно генезиса территориальных экономических исследований. Введение представляет собой не просто очерк развития идей и инструментов исследования региональных экономических систем, а своеобразную коэволюцию научных идей и организационных форм, помещенных в контекст развития отечественной экономики за последние пятьдесят лет.

Структура монографии логически воспроизводит гипотезу М. К. Бандмана о «двухколейном представлении» государственной региональной экономической политики, которая бытует в двух формах:

- традиционная территориальная политика (реализуется в сложившейся «вертикали» исполнительной власти в пределах четко очерченных административных границ субъектов Федерации);
- политика, основанная на проблемном представлении общественного развития (решение периодически возникающих крупномасштабных задач развития государства, ареал которых не совпадает с границами какого-либо одного субъекта Федерации) (7, с. 17).

Первая часть монографии — «Методология анализа и прогнозирования социально-экономического развития на межрегиональном, субфедеральном и внутрирегиональном уровнях» — имеет отношение к разработке традиционного направления государственной региональной экономической политики, а часть вторая — «Методология и опыт исследования проблемных территорий Азиатской России» — к проблемному направлению.

Собственно, на этой методологической платформе и выполнены исследования, результаты которых приведены в монографии. Важнейшим методологическим положением, пронизывающим весь текст монографии, является при этом то, что исследования многорегиональных систем в значительной мере базируются на «использовании инструментария оптимального планирования межотраслевых моделей (обобщение моделей «затраты — выпуск», теории общего экономического равновесия, теории игр, математической статистики, получивших развитие в трудах нобелевских лауреатов Л. В. Канторовича, В. В. Леонтьева, К. Эрроу, Г. Дебре, Дж. Нэша и ряда других выдающихся ученых» (7, с. 29). Это является наиболее важным методологическим принципом, который последовательно выдерживается в течение многих лет

в исследованиях Новосибирской научной школы, и при этом отличительной особенностью работ данной школы, в большой степени суммированных в рецензируемой книге, является единственная известная в научной экономической литературе количественная реализация основанного на этих принципах модельного комплекса.

Первый раздел первой части монографии: «Методология анализа и прогнозирования социально-экономического развития на межрегиональном, субфедеральном и внутрирегиональном уровнях» — посвящен «развитию и опыту применения методов измерения межрегиональных различий» (7, с. 45). Эти методы сведены в две группы: методы рейтинговых оценок и методы структуризации пространства индикаторов в виде региональных кластеров.

Важно отметить четкое осознание авторами монографии того, что «...при всей популярности межрегиональных сопоставлений на основе рейтинговых оценок, простоте и наглядности их расчета, даже в корректных схемах и способах подготовки исходных индикаторов есть много методических неясностей» (7, с. 46). Это вполне проявляется в ходе приводимых авторами результатов оценок сравнительного положения регионов на рубеже XX и XXI вв., полученных на основании расчетов сводных рейтингов по 25-региональной сетке.

В частности, авторы справедливо отмечают: «Достаточно очевидно, что Московский регион, и в первую очередь г. Москва, является наиболее открытым в стране для самых разнообразных отношений с внешним миром. Более того, именно через эту открытость Москвы происходит проникновение в Россию многих последних достижений цивилизованного мира, которые затем распространяются и на другие регионы РФ. Но скорость и эффективность их диффундирования по стране во многом зависят от возможностей осуществления деловых, культурологических и прочих связей регионов с Москвой. Немаловажным условием реализации массовых актов таких связей можно, видимо, рассматривать удаленность региона от Москвы. В наших построениях это стержневой фактор, на который дополнительно «нанизывались» и другие соображения, ослабляя или усиливая в рейтинговых оценках значимость метрического подхода их определения» (7, с. 76—77). Это утверждение весьма логично: действительно, на рубеже веков Москва была своего рода «форточкой», через которую шел основной поток новаций. Но вот то, что скорость, а тем более эффективность диффузии нововведений определяется расстоянием, нуждается в более основательных доказательствах, во всяком случае, приведенные в книге расчеты не позволяют однозначно согласиться с таким утверждением.

Возможно, авторам не следовало бы отказываться от тестирования тео-

рии пространственной диффузии нововведений¹. Возможно, эта теоретическая концепция сейчас и не так популярна, как в 60—80-х гг. прошлого века, но вовсе не бесполезна, когда речь идет о пространственной диффузии нововведений, как минимум, по двум причинам. Во-первых, она обладает достаточными эвристическими возможностями объяснения различных механизмов диффузионных процессов; во-вторых — предоставляет возможности для получения количественных оценок этих процессов.

Термин «макрорегион» за последнее время стал общепринятым, во всяком случае он воспринимается как некая особенность российской регионалистики, которая досталась ей в наследство как от системы укрупненного территориального управления и планирования в советский период, так и от успешного использования оптимизационных инструментов предпланового анализа, действенное применение которого предполагало существенное увеличение масштаба рассматриваемых территориальных единиц. В монографии обосновывается факт того, что «в стране сложилось два разных типа регионов» (7, с. 81). Конечно, речь идет о 25 макрорегионах, выделенных «по принципу соседства и схожести хозяйственных комплексов и природных условий» (7, с. 54).

Авторы выделяют северные и восточные районы, характеризующиеся «повышенным дискомфортом среды, отдаленностью от центра, избирательной структурой экономики, минимально отвечающей ей инфраструктурой». Эти хозяйственные комплексы «настроены на эффективное использование региональных ресурсов и в основном работают на вывоз. В целом, доминируя по экономическим факторам, эти регионы отстают в общерегиональных сравнениях по более широкому набору характеристик» (7, с. 81).

С этим, конечно, следует согласиться, но необходимо уточнение: сравниваются все-таки не экономические комплексы регионов, а, скорее, отдельные социально-экономические показатели отдельных субъектов Федерации и их объединений.

В качестве второго типа регионов авторы предлагают рассматривать «регионы юга, Центральной России и прилегающих к ней районов Северо-Запада», которые слабее в среднем развиты в экономическом отношении и не используют свой надэкономический потенциал (климатические условия, местоположение, расселение и др.). Поэтому в межрегиональных сравнениях их возможности недооценены, хотя «этот потенциал является их очевидным конкурентным преимуществом, особенно в условиях движения страны

¹ Основные положения этой теории, как известно, были сформулированы в работах Т. Хэгерстранда и его коллег по Лундскому университету [11]. Немалый вклад в развитие этой теории внесли также экономисты и географы из США, Японии и стран Западной Европы [9; 11; 12].

к экономике с заметно дифференцированной структурой» (7, с. 81—82). Следовало бы, конечно, четко обосновать, почему «надэкономический потенциал», то есть климатические условия, местоположение, расселение и т. п., в конечном счете, отчасти характеризующий условия ведения экономической деятельности, рассматривается как конкурентное преимущество.

Сама неравномерность социально-экономического развития в контексте сопоставлений «центр — периферия» оценивалась довольно ограниченным набором подушевых показателей: а) основные фонды крупных и средних организаций по полной учетной стоимости; б) оборот розничной торговли; в) инвестиции в основной капитал; г) ввод в действие общей площади жилых домов. При этом из анализа были выведены Московская и Ленинградская области, так как «их региональные центры имеют особый статус и их отрыв от остальных населенных пунктов своего региона слишком велик» (7, с. 106). Исключение из анализа столиц методологически не очевидно, если анализируется неоднородность экономического пространства, а не ставится самостоятельная задача выяснения того, каким образом столичный статус города влияет на изменение перечисленных выше четырех показателей. Еще одним спорным методологическим допущением является неявное предположение о том, что принцип единства экономического и административного районирования верен не только в условиях централизованного планирования и управления, но и в настоящее время. Между тем этот принцип, как известно, не удалось реализовать даже в рамках социалистического планирования.

В результате получается очередная классификация регионов, в основу которой положен обобщенный коэффициент центропериферийных отличий (таблица 4.12), где в одну классификационную группу могут попасть ЕАО и Республика Тыва, с одной стороны, и Республика Башкортостан и Краснодарский край — с другой. И состав этой группы сопровождается далеко не очевидным выводом: «Это регионы с относительно развитым центром и стагнирующей, но населенной периферией. Здесь передача импульсов развития от центров к периферии слаба или совсем отсутствует» (7, с. 116). Однако при этом не совсем понятно, как быть с тем, что оказывающиеся в одной классификационной группе регионы принадлежат разным группам, если иметь в виду ранее введенное разбиение.

Центральный пункт исследований, обобщенных в пятой главе монографии — «Общие вопросы анализа неравномерности территориального развития, — согласование задач экономического роста и снижения межрайонных различий, имеющая как теоретический и методологический, так и прикладной аспект. Общее решение указанных выше задач, по мнению авторов главы, означает «...во-первых, что при таких различиях между регионами нельзя добиться более высоких темпов экономического развития, а выбранный

уровень роста экономики не позволяет выйти на более низкие уровни межрегиональной дифференциации. Второй важный вывод состоит в том, что не следует противопоставлять две важные задачи — экономического роста и снижения межрегиональных различий» (7, с. 126).

Отсюда логично следует, что согласованное решение этих двух задач позволяет выявить систему компромиссов с последующим обоснованием двух основных подходов к межрегиональному выравниванию: экономическому и социальному. При этом «соотношение «экономического» и «социального» направлений, очевидно, должно определяться как политическими целями, так и их эффективностью в решении вопросов сглаживания межрегиональных различий» (7, с. 127). С этим общим заключением можно было бы согласиться, но хотелось бы прояснить еще и такие вопросы, как: имеют ли эти выводы отношение ко всем типам районов, а также посредством чего можно описать область решений, принимаемых в условиях компромисса?

Второй раздел первой части — «Межрегиональные аспекты анализа и моделирования экономики» — начинается с описания алгоритма анализа и прогнозирования, который представляет последовательность следующих этапов:

«1) анализ ретроспективных тенденций в развитии экономики, выявление основных факторов, определяющих развитие ее пространственной структуры;

2) разработка информационной базы модели на основе доступной статистики в соответствии с требованиями к входной информации и прогноз экзогенных параметров;

3) формальная постановка межотраслевой модели российской экономики в точечном и пространственном представлении;

4) разработка программного обеспечения и реализация различных вариантов прогноза;

5) анализ полученных результатов и разработка рекомендаций в области региональной и пространственной политики» (7, с. 134).

Первый из перечисленных выше этапов составляет содержание шестой главы — «Ретроспективный анализ и информационная база исследований», которая начинается с утверждения: «Анализ ретроспективных тенденций — важнейший этап исследования межрегиональных проблем. На этом этапе исследования выделяются основные факторы, обуславливающие формирование и изменение пространственной структуры экономики, что делает возможным осуществление дальнейших прогнозов» (7, с. 134—135).

С этим следует, безусловно, согласиться, так как еще в работах Й. А. Шумпетера отмечалось, что «большинство серьезных ошибок в экономическом анализе вызваны скорее недостатком исторического опыта,

чем дефектом какого-либо другого инструмента из арсенала экономиста» [10, с. 15]. Однако фактически авторы ограничились анализом основных показателей в 2000—2007 гг., что, конечно, не может быть принято в качестве оценки основных этапов и трендов в исторической эволюции пространственной структуры экономики России. Тем более что исходной единицей для наблюдения был взят федеральный округ, который вряд ли может всерьез рассматриваться в качестве исходной единицы первого уровня декомпозиции экономического пространства. И, конечно, 8 лет — недостаточный период для ретроспективного анализа такой инерционной системы, каковой является территориальная структура национальной экономики.

Трудно полностью согласиться с безоговорочным принятием авторами «традиционного подхода» к оценке уровня развития региона посредством сравнительного анализа основных макропоказателей с аналогичными данными в целом по стране (7, с. 135). Ведь сами авторы указывали на то, что «наличие двух уникальных субъектов Федерации — г. Москвы и Тюменской области, на которые приходится 33,7% суммарного ВРП при наличии всего 10,9% занятых в экономике, — обуславливает определенную некорректность сопоставления региональных душевых показателей со средними по России» (7, с. 137).

Если не принимать во внимание вышесказанное, то вывод, сделанный авторами на основе экспериментальных расчетов по межотраслевой межрегиональной модели, представляется столь же важным, сколь и оставляющим много неясностей, а именно: «В части оценки региональной структуры потенциальных федеральных инвестиций в экономику следует отдавать безусловный приоритет прежде всего регионам в составе наиболее проблемных федеральных округов — Дальневосточного, Сибирского и Южного. Инвестиции в эти регионы косвенным образом, через систему межрегиональных связей, положительно отразятся и на экономике других округов, в то время как реализация каких-либо крупных проектов на территории, например, Центрального округа практически не сказывается на экономике регионов с наихудшими душевыми показателями производства и потребления» (7, с. 150). Формально этот вывод легко подтвердить теоретически. Действительно, эти три округа наименее диверсифицированы структурно, а следовательно, прирост инвестиций на их территории обязательно приведет к косвенному приросту выпусков в более диверсифицированных округах, и наоборот. Однако это еще не является достаточным основанием для утверждений о «территориальной приоритетности» инвестиций, не говоря уже о том, что федеральные округа в качестве экономических агентов выглядят уж больно проблематично.

Правда, авторы, очевидно, прекрасно видят эту проблему, по крайней мере, с точки зрения адекватности вычислительных процедур и информации-

онной достаточности, отмечая, что «следует еще раз отметить относительную условность и неустойчивость многих показателей территориальной структуры производства и оценок масштабов и направлений межрегионального перераспределения добавленной стоимости» (7, с. 166), а также то, что «...использование современной статистики основных фондов в анализе оставляет параметры инвестиционного процесса полностью неопределенными» (7, с. 167).

В главе «Применение межрегиональных межотраслевых моделей в прогнозировании экономики» содержится положение, которое вполне согласуется с ранее полученными Институтом экономических исследований ДВО РАН в ходе качественного анализа по проекту «Пространственные трансформации российских регионов в 1990—2000 и 2001—2008 гг.» результатами. Речь идет, в частности, о том, что «результаты расчетов по вариантам показали, что независимо от выбора сценария развития пространственная структура экономики России изменяется незначительно» (7, с. 190). Правда, в рецензируемом исследовании пространственная структура представлена федеральными округами, а не субъектами Федерации, как в случае дальневосточного проекта, а вывод этот сформулирован не для ретроспективного, а для перспективного (до 2030 г.) периода. Однако очень важно, что получены количественные оценки, дающие основания считать пространственную структуру российской экономики инерционной в весьма длинном периоде.

Важными с практической точки зрения являются выводы относительно результатов проверки совместимости региональных стратегических прогнозов, выполненных авторами по субъектам Федерации, входящим в Сибирский федеральный округ. Расчеты авторов продемонстрировали, что предположение о недостаточной обоснованности инвестиционных планов региональных администраций вполне соответствует действительности (7, с. 203). Одной из фундаментальных причин этого авторы полагают то, что «...существующая практика разработки местных региональных прогнозов в отрыве от национального прогноза пространственного развития экономики приводит к несовместимости данных прогнозов, т. е. к превышению суммарной потребности во внешних ресурсах над имеющимися национальными инвестиционными ресурсами, включая иностранные инвестиции» (7, с. 203).

Конечно, этот результат был ожидаем и предсказуем. Региональные прогнозы разрабатываются в рамках региональных стратегий, но сами эти стратегии не являются стратегиями «в полном смысле этого слова» [4, с. 10]. Дело не только в том, что «поставленные в жесткие временные рамки (что само по себе порочно для фундаментального проекта) ...субъекты Федерации вынуждены в спешке заказывать разработку стратегий территориального планирования новоявленным научным центрам. Последние (за хорошие деньги) представляют схемы для разных муниципальных образований, мало отлича-

ющиеся друг от друга» [1, с. 16]. Проблема заключается еще и в том, что до настоящего времени нет ясности, что представляет собой регион как объект стратегического управления и каким образом происходит согласование стратегических целей не только «по вертикали», но и «по горизонтали», наконец, что есть «региональный прогноз»¹.

Завершает второй раздел глава «Влияние экономического кризиса на параметры долгосрочных прогнозов», авторами которой являются А. Г. Гранберг, Ю. С. Ершов и В. И. Суслов. В главе содержится ряд интересных и важных как в теоретическом, так и в прикладном плане выводов относительно посткризисного развития восточных районов страны.

Отмечая негативное влияние транспортного фактора на развитие экономики Сибири и Дальнего Востока, авторы считают, что это влияние может быть ослаблено посредством качественных изменений в транспортных технологиях и конфигурации транспортной сети, с одной стороны, и качественными изменениями в экономике Азиатской России — с другой. При этом, наряду с изменением отраслевой структуры (постепенное увеличение в отраслевой структуре производств с высокой добавленной стоимостью), предполагается «изменение «центра тяжести» в производственно-технологических и интеграционных связях России» (7, с. 223).

Для обоснования такого изменения в организации экономического пространства национальной экономики используется аргументация, которая укладывается в традицию, сложившуюся в отечественной экономической науке начала XX в. и служившую обоснованием сдвига экономики на Восток. Эти идеи были весьма популярны и многократно публиковались также в 60—80-х гг. прошлого века. Да и в общую концепцию глобального дрейфа с Атлантического на Тихий океан эта гипотеза вполне укладывается.

В частности, авторы пишут: «...если рассмотреть «многомерную» конфигурацию экономического пространства с возможным рассмотрением всех политических и экономических партнеров России (...), то очевидно, что центр тяжести развития России в такой многополярной системе будет смещаться с Запада на Восток, и центральная роль Сибири должна приобрести доминирующий геополитический и геоэкономический характер» (7, с. 223). По их мнению, такой сдвиг может быть достигнут двуединый образом: «...развитием собственно сырьевых территорий Сибири и формированием в южном широтном поясе Сибири мощного плацдарма для развития всего сибирского макрорегиона. На достаточно узком (для масштабов Сибири), пространстве радиусом от Новосибирска на Запад и Восток в 600—800 км имеются уникальные возможности для комплексного развития производительных сил

¹ Подробно эти и другие вопросы методологии регионального стратегирования см. в работах [2; 4—6].

этого мезорегиона» (7, с. 224). Здесь явно возобладал местный патриотизм, и одним Новосибирским «мезорегионом» для всей Сибири, а тем более для всей Азиатской России, не обойтись. Хотя следует согласиться, что такого рода «мезорегион», расположенный в срединной части страны, действительно способен демпфировать пространственный разрыв между концентрацией основных элементов производительных сил и нести «основную нагрузку по реализации новых интеграционных внутрироссийских и международных связей в направлении Средней и Центральной Азии» (7, с. 224).

Основное содержание третьего раздела книги — «Прогнозирование регионального развития в системе межуровневых взаимосвязей» — результаты исследований, выполненных в рамках проекта СИРЕНА. Как неоднократно и справедливо отмечалось в многочисленных публикациях, этот проект до сих пор остается, пожалуй, наиболее ярким и законченным результатом экспериментальной реализации теории общего экономического равновесия в области пространственной макроэкономики [3]. В данном разделе, однако, его автору (С. А. Суспицыну) удалось представить, казалось бы, широко известные и многократно обсуждавшиеся результаты в несколько новом ракурсе. Речь идет, в частности, о методологии построения прогнозных расчетов, а также о разработке региональных стратегий.

Рассмотрим методологические принципы, о которых можно судить по следующему фрагменту: «Математическая модель представляет собой формализованное описание взаимосвязей входных, сценарных и расчетных показателей, и в этом смысле она всего лишь «проявляет» скрытые знания о ее решении, уже содержащиеся в исходных данных, сценарных установках и гипотезах о их взаимосвязях. Какова область таких условий, таковы и будут решения. Так, методы эконометрического моделирования в эпоху перемен и перестроек могут иметь при прогнозировании лишь ограниченное применение» (7, с. 242). Вроде бы все это давно известно, но, если обратиться к литературе последних десятилетий, можно найти немало примеров того, когда математическая модель ориентирована не на «проявление» скрытых знаний, а скорее на их «затемнение». Как правило, это имеет место, когда имеются дефекты в организации исходных данных, а также в тех случаях, когда имеется смутное представление о тех процессах и структурах, которые изучаются посредством математического моделирования. Поэтому неслучайна оговорка С. А. Суспицына о том, что методы экономического моделирования для целей прогнозирования имеют ограниченную сферу применения в условиях структурных сдвигов.

Выход из этой непростой ситуации С. А. Суспицын видит в том, что количественные методы следует дополнять методами качественного анализа. Конечно, «такое прогнозирование носит более сложный характер, чем

формальные методы прогнозных расчетов, вносит в этот процесс заметную субъективную составляющую, но при высокой квалификации экспертов и аккуратных методиках построения экспертных оценок, синтезирующих количественные и качественные знания, позволяет получать более адекватные прогнозные решения» (7, с. 242).

Что же касается вопросов разработки региональных стратегий, то здесь внимание привлекают следующие положения. Во-первых, то, что «...основная линия поведения федерального центра обусловлена тактикой преодоления фактически складывающихся узких мест, не имеющей ничего общего с политикой, ориентированной на следование определенным приоритетам социально-экономического развития» (7, с. 265). Иначе говоря, ожидания научного сообщества — что по мере обеспечения макроэкономической стабилизации придет время для эффективной региональной политики — не подтверждаются.

Во-вторых, принципиально важное наблюдение о том, что «...федеральная политика «ближе» сильным регионам. Экономически слабые регионы существенно ниже оценивают действия федерального центра по развитию и активизации традиционных инструментов экономического роста (промышленной, инвестиционной политике) и акцентируются на реально доступных им инструментах своего развития — аграрной, инфраструктурной и бюджетной политике» (7, с. 266).

С этими положениями нельзя не согласиться, но их аргументация в книге представлена слабо. Возможно, доказательства и интерпретации в этой части действительно являются задачей какого-то другого исследования (исследований), для которого (которых) автор предлагает вполне работоспособный и адекватный сложности самой задачи инструментарий.

Заключительный раздел первой части монографии посвящен рассмотрению влияния институциональных условий на пространственную структуру экономики. Первая из четырех глав этого раздела посвящена эволюции федеративных отношений в России. Вывод из проведенных исследований проблем бюджетного федерализма ожидаем: система формирования финансовых ресурсов региональной политики в России далека от совершенства, более того, «...переход к фазе экономического роста не привел к сокращению межрегиональной дифференциации, равно как и последующая политическая стабилизация» (7, с. 310). Автор этого раздела В. Е. Селиверстов полагает, что «причины следует искать в том, что, во-первых, экономика России по-прежнему остается в значительной степени дезинтегрированной, что приводит к относительно узкой территориальной локализации эффектов реализуемых инвестиционных проектов и изменения конъюнктуры. Во-вторых, в России не выработано эффективных механизмов трансформации финансо-

вых ресурсов, включая и природную ренту, и инвестиции в реальный сектор экономики, в особенности в рамках структурной политики» (7, с. 310).

Такое объяснение правдоподобно и часто встречается в научной литературе, но оно все-таки провоцирует новые вопросы, а именно: 1) почему экономика России дезинтегрирована; 2) возможно, инвестиционные проекты не были направлены на придание большей связности российской экономике, а решали иные проблемы; 3) почему до сих пор нет эффективных механизмов трансформации финансовых ресурсов? Список вопросов может быть продолжен. Конечно, нельзя ожидать, а тем более требовать, чтобы в рамках одной, пусть даже весьма объемной, монографии читатель получил ответы на все свои вопросы, особенно на те, которые генерируются в ходе чтения самой книги.

Тем не менее автор раздела предлагает рецепт некоторого исправления ситуации. Он считает, что «назрел также вопрос о реализации на межрегиональном уровне принципов «корпоративного управления», а для их реализации предлагается создавать «корпорации (агентства) регионального развития, которые должны проводить конкретную работу по созданию условий для саморазвития регионов в федеральном округе или в его части на основе стимулирования там малого и среднего бизнеса, осуществления селекции и отбора отдельных инвестиционных проектов, разработки программ развития и бизнес-планов, переподготовки местных кадров, создания благоприятного инвестиционного климата данных территорий» (7, с. 311).

Сама по себе идея создания подобных агентств вполне разумна и давно апробирована в практике регионального управления разных стран, в частности, в Японии. Конечно, каждая страна имеет вполне конкретные особенности реализации этой идеи, которые нуждаются в четком определении. Вместе с тем следует отметить, что проблема создания эффективной системы межбюджетных отношений этими агентствами или другими современными или основательно забытыми организационно-экономическими и управленческими схемами и моделями не решается.

Особое значение имеет сейчас вопрос о соотношении научного и административного подхода к конструированию и реализации региональной политики. Автор раздела полагает, что проект Концепции совершенствования региональной политики в РФ свидетельствует о том, что «лед тронулся». Но при этом нужно усвоить два урока из самого поиска такой модели» (7, с. 318). Урок первый — не всякая внешне эффективная конструкция совершенствования экономических и общественных отношений, которая успешно применялась в других странах, годится для современной России. Попытки слепого копирования моделей или механизмов управления развитием часто оказываются несовместимыми со спецификой пространственной

организации России и аллокацией основных ресурсов, с «наследием» советской командно-административной системы (которая еще полностью не изжита), с менталитетом региональных элит и особыми ожиданиями общества. Урок второй — консолидированная позиция квалифицированного научного и экспертного сообщества по спорным вопросам социально-экономического развития может взять верх над позицией чиновников, слепо копирующих зарубежные модели управления. Однако это, к сожалению, не происходит автоматически и часто требует применения политической воли и авторитета высшего руководства страны» (7, с. 318).

Действительно, не следует слепо копировать, необходимо изучать собственный опыт, использовать методы ретроспективного анализа, изучать зарубежный опыт с целью определения сферы его применения. Нельзя не согласиться и с тем, что ученый не может доказать зачастую прописные истины очередному чиновнику. Но желание иметь консолидированную позицию научного и экспертного сообщества по спорным вопросам не совсем понятно. Такая консолидация возможна только на базе принципиальных дискуссий, дефицит которых ощущается очень остро. В любом научном журнале, имеющем отношение к проблемам регионального развития, есть все, кроме научных дискуссий.

Крайне интересны приведенные в 16-й главе результаты исследований по проблеме оценки эффективности инструментов региональной политики на субфедеральном уровне. Принципиально важен вывод о том, что «вмешательство субфедеральных властей в экономические процессы препятствовало развитию в более динамичных регионах», где «административное регулирование не приводило к корректировке «провалов рынка» и создавало входные барьеры для малого бизнеса в регионах». Противоположное заключение делается для отстающих в своем развитии регионов, где «субфедеральное регулирование давало положительный эффект» (7, с. 335). Отсюда следует, как минимум, еще один вывод: региональная политика должна быть разной для регионов с различным характером экономической динамики.

В целом выводы из проведенного исследования весьма интересны, они сведены в три позиции:

«1. Региональные власти в России, действуя в интересах местных промышленных групп, включают в регулирование рыночных цен в регионе. При этом основными направлениями воздействия является обеспечение более выгодных условий местным предприятиям по сравнению с другими производителями.

2. Защита местных производителей стала характерной чертой субфедеральной политики в России. ...При этом социальные факторы не находятся в фокусе внимания региональных политиков.

3. ...Одним из политических последствий такого (между региональными властными элитами и промышленными группами. — *А. Д.*) взаимодействия стали соглашения между промышленными группами и региональными политиками, одним из экономических результатов — дезинтеграция внутреннего рынка в России» (7, с. 354).

Вторая часть состоит из двух разделов — пятого и шестого. Пятый раздел — «Анализ и прогнозирование трансформации экономически активного пространства Азиатской России» — открывает глава 19 «Методологические основы прогнозирования развития проблемных территорий». Оставим специалистам оценку того, насколько хороши или плохи предлагаемые автором главы математические модели, остановимся лишь на параграфе, в котором приведена логическая схема прогнозирования.

Сразу же отметим, что «методологические основы» даны весьма своеобразно, ибо начинается этот параграф следующим образом: «Задача прогнозирования трансформации экономически активного пространства Азиатской России, его внутренней территориальной планировки включает в себя несколько этапов» (7, с. 394). Но при этом остается неясным — с какой целью (или целями) осуществляется прогнозирование, что такое экономически активное пространство (значит, есть еще и пассивное?), наконец — что такое внутренняя территориальная планировка?

Кое-что проясняется при ознакомлении с содержанием первого этапа: «Оценка «глубины» трансформации экономически активного пространства регионов и страны, отвечающая разным вариантам опорной транспортной сети Азиатской России». Более того, после прочтения следующего фрагмента: «Оценивать приоритетность разных стратегических направлений совершенствования опорной транспортной сети целесообразно через «интеграционный» отклик территорий (мультипликативного характера): будут ли созданы предпосылки для укрепления или формирования новых поясов экономического развития; будет ли обеспечен выход на новые глобальные и локальные региональные рынки; произойдет ли закрепление за Россией новых ниш в транспортном машиностроении; усилится ли спрос на продукцию обрабатывающих отраслей европейских, сибирских и дальневосточных регионов» (7, с. 395) — количество вопросов даже возрастает.

Первый вопрос: а что, «интеграционный» отклик не следует оценивать только на предмет появления новых поясов экономического развития (кстати, а что это такое, и как этот термин соотносится с другими, описывающими различные формы организации экономики в пространстве)? И вообще, кто и когда доказал, что, создав даже самую совершенную транспортную опорную сеть, можно тем самым обеспечить выход на новые рынки, закрепление новых ниш (надо полагать, товарных) и увеличить спрос?

Второй вопрос много проще: что такое «локальные региональные рынки»?

Третий вопрос возникает в связи с утверждением относительно того, что «пространственный фактор, география еще долго будут довлеть при выборе путей интеграции России в мировую систему. Самый простой путь интеграции — через оказание транспортно-экономических услуг — в какой-то степени не самый надежный» (7, с. 395). Это утверждение заставляет предположить, что автор раздела отождествляет пространственный фактор в экономическом исследовании с «географией», т. е. физическим пространством, более того, лишь с одним из свойств этого пространства — расстоянием. Возможно, это не так, возможно, такое впечатление — не более чем результат краткости изложения. В любом случае этот аспект должен был бы стать предметом если и не объяснений, то тщательной аргументации.

В главе 22 «Прогнозирование формирования новых поясов хозяйственного освоения в Азиатской России» в явной и неявной форме выделены три новых пояса хозяйственного освоения: первый (не явно) — Арктическая зона, второй — Северный широтный пояс экономического развития и третий — Восточный меридионально-широтный пояс экономического развития.

Анализ предложений авторов существенно затрудняется терминологическими проблемами. Пояса экономического развития имеют в основе либо транспортные магистрали, либо транспортные коридоры, которые соединяют интегральные производственно-транспортные зоны (ИПТЗ) и транспортно-логистические узлы (ТЛУ). Причем одни и те же узлы могут входить сразу в два пояса. На странице 454 Северо-Якутский, Певекский и Чукотский ТЛУ — это Арктическая зона, а на странице 467 эти же ТЛУ являются частью Восточного меридионально-широтного пояса экономического развития. Для Восточного пояса выделяются три зоны влияния транспортных коридоров: зона влияния БАМа, зона влияния Ленско-Якутского меридионального транспортного коридора (здесь еще есть и зона влияния Амуро-Якутской железнодорожной магистрали) и зона влияния Северного морского пути. Есть еще и средняя зона Хабаровского края.

Конечно, следовало бы четко определить авторскую позицию в вопросах о том, что такое зона, пояс, как они соотносятся друг с другом и с традиционными терминами, описывающими различные формы территориальной организации экономики (промышленные узлы, промышленные районы, ТПК, и пр.). Точно так же необходимы уточнения ряда конкретных географических утверждений. Например, описывая Ванино-Совгаванскую ИПТЗ, указывается, что ее основное преимущество перед другими российскими портами Дальнего Востока — «прямой выход на две независимые железнодорожные магистрали — Транссибирскую и Байкало-Амурскую» (7, с. 463). Неясно, что имеется в виду под «прямым выходом». Ванино — конечная точка БАМа, но

не Транссиба. Столь же странным является с географической точки зрения утверждение о том, что «...Якутско-Камчатская магистраль выйдет именно к подножью Камчатки» (7, с. 469). Хорошо известно, что есть три географических объекта «Камчатка»: 1) полуостров, 2) река и 3) Камчатка как синоним Камчатского края, но подножья ни один из этих объектов не имеет.

Завершает вторую часть и монографию в целом раздел шестой — «Интеграционные проекты освоения ресурсных регионов Севера: проблемы разработки и реализации», в котором наряду с анализом трансформаций государственной северной политики и рассмотрением методических подходов к разработке региональных стратегий приведены материалы, имеющие непосредственное отношение к реализации крупных инвестиционных проектов на Азиатском Севере.

Особый интерес вызывает глава 24 «Трансформации государственной северной политики», в которой ее авторы (И. А. Вижина и В. Н. Харитоновна) вновь обратились к проблеме районирования Севера. По их мнению, «центральные проблемы районирования, которые необходимо решить, — это, во-первых, определение однородных территорий Севера по уровню затрат на компенсацию негативного влияния сурового холодного климата на здоровье человека и результаты его хозяйственной деятельности, и, во-вторых, построение компактной и устойчивой системы экономических оценок северного удорожания стоимости жизни и капитала» (7, с. 512). Заслугой авторов, конечно, является то, что они, исходя из признания неоднородности экономического пространства Севера, предлагают методику расчета экономических индикаторов, позволяющих оценить удорожание стоимости жизни и условий хозяйствования.

Последняя глава — «Отзывы на некоторые официальные проектные и предплановые разработки» — несколько необычна. Но ее появление, тем не менее, вполне логически оправдано, так как дает возможность более объемно представить не только собственно научную, но и экспертную деятельность авторского коллектива. И следует отметить, что по большей части это действительно высокопрофессиональные экспертные заключения, содержащие не только оценки, но ясную научно обоснованную аргументацию.

Иногда, правда, авторы несколько увлекаются оригинальностью предложений. В частности, в параграфе «Анализ стратегии развития железных дорог России» ведется полемика с «примитивностью» инновационной стратегии на железнодорожном транспорте. А именно: отмечается, что надежды на возможность простого выхода на мировой рынок транспортных услуг с последующей конкуренцией на основе инноваций наивны. «А как выйти, если железнодорожная сеть восточнее Урала не имеет прямых выходов на железнодорожную сеть мировых лидеров — США и Японии?» Авторы дают

свой рецепт решения проблемы: «Нужно реализовать проекты Трансконтинентальной магистрали через Берингов пролив и проект прямого железнодорожного сообщения «материк — Сахалин» и далее с выходом через пролив Лаперуза на железнодорожную сеть Японии. Вот это и есть прорывная инновационная стратегия развития железнодорожного транспорта в эпоху глобализации» (7, с. 604).

Правда, аргументов в пользу того, что это действительно прорывная стратегия, не приводится. Это, скорее, убеждение, чем доказанное знание. Если следовать такой логике, то напрашивается вопрос: а почему бы Японии и США не задуматься о строительстве мостового перехода Япония — Курилы — Камчатка — Алеутские острова и, наконец, Аляска?

Книга содержит еще множество моментов и положений, каждое из которых, вне всякого сомнения, найдет своих сторонников и оппонентов, породит новые вопросы и даст толчок появлению новых задач и разработке новых методов их решения. Это — главный результат, которого добились авторы этого фундаментального научного труда. Его фундаментальность — в обширности открываемых им перспектив научного поиска. Именно в этом видится значение этого труда, который, безусловно, станет важной вехой в развитии пространственных экономических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е. Н. Арктика: что тормозит реализацию федеральных программ? // ЭКО. 2010. № 12. С. 5—27.
2. Демьяненко А. Н. Азиатская Россия: опыт междисциплинарного исследования // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 157—179.
3. Минакир П. А. Александр Григорьевич Гранберг: роль личности в истории науки // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 10. С. 169—177.
4. Минакир П. А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5—18.
5. Минакир П. А. Принципы долгосрочного регионального прогнозирования: Дальний Восток // Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 59—64.
6. Минакир П. А. Пространственные эффекты в экономике и управлении. СПб.: Изд-во СПбУУЭ, 2011. 32 с.
7. Оптимизация территориальных систем / Под ред. д-ра экон. наук С. А. Суспицына / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2010. 632 с.
8. Пред А. Пространственно-временная концепция Хёгерстранда и ее значение // Новые идеи в географии. Вып. 4. М.: Прогресс, 1979. С. 86—110.
9. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
10. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI, 469 с.
11. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967. 350 p.
12. Sugiura Yoshio. Spatial Diffusion of Innovations // Geographical Reports of Tokyo Metropolitan University, 1985. P. 121—178.